

Ольга Голубева-Терес

Ночные рейды советских летчиц : из летной книжки штурмана У-2, 1941-1945 (фрагмент)

Вместо предисловия

– Мама, ну зачем тебе эти бумаги? – спросила меня младшая дочь.

«Действительно, – подумала я, – пора почистить свой архив». Выдвинула верхний ящик стола да так и приклеилась к нему. В ворохе писем, фронтовых блокнотов и листовок мне попала в руки позабытая моя летная книжка. Я начала ее листать, потеряв счет времени, хотя она совсем небольшая – в ней всего пятьдесят страниц. На каждой из них записаны боевые вылеты, перелеты, спецзадания, продолжительность полетов, количество, вес и калибр сброшенных на врага бомб, результаты бомбометания, вынужденные посадки. В ней предусмотрены страницы для записей благодарностей, наград и взысканий, для парашютных прыжков, контрольных оценок полетов с поверяющими и для особых случаев. Записи в летной книжке скупы, но за скупостью слов стоят ночи, когда каждый час измерялся жизнью, а каждая минута была экзаменом на мужество, честность, верность Родине.

Я подумала, что шестьсот боевых вылетов, записанных в моей летной книжке, были разными. Очень трудные – в огне зениток и прожекторов – и совсем, казалось бы, легкие, когда так ласково светили звезды в тихой ночи. Но та тишина была обманчива: каждую минуту самолет могли поймать прожекторы, перехватить истребители или подбить зенитки.

С тех пор я часто возвращалась к своей летной книжке, порываясь написать о том, что стоит за скупой записью. Но каждый раз, когда я склонялась над листом бумаги, меня обуревали тысячи сомнений. «Сможешь ли ты ярко и правдиво рассказать о своих подругах и о полетах, о победах и поражениях? – спрашивала я себя. – Сможешь ли ты без утайки рассказать о своих ошибках, о взрослении и мужании на войне?» Меня тревожило буквально все: и тысячи написанных до меня книг, и головная боль с бессонницей, и телефонные звонки людей, которым я становилась вдруг позарез нужной. Против меня была моя лекционная работа, и даже солнце

было против, когда тянуло из дому. Соблазняли дороги, когда хотелось куда-нибудь поехать, что-то повидать новое, испытать счастье общения с еще неизвестным и интересным. И дождь был против, когда все болит и не работается. Меня брала такая оторопь, что я комкала, рвала и выбрасывала уже исписанные листы. Но потом опять что-то заставляло браться за перо, преодолевать сомнения и недуги. Меня обступало такое изобилие фактов, эпизодов, людей, что, теряясь, я говорила себе: «Подумай, отбери главное».

И я думала. Много ездила по стране, встречалась с разными людьми, рассказывала им о войне, о ночных полетах и, вглядываясь в их глаза, старалась угадать то главное, о чем надо обязательно сказать.

Идет время, мы стареем. Уходят из жизни мои фронтовые друзья. И каждый такой уход, как черта, как итог, заставляет задуматься: хватит ли сил и времени, чтобы передать наш опыт мужества детям и внукам?

Недавно я проехала по местам боев нашего 46-го гвардейского орденов Красного Знамени и Суворова III степени Таманского ночных бомбардировщиков женского авиаполка. Сколько обелисков, памятников с алыми пятиконечными звездами стоит на тех дорогах, где нам приходилось воевать! Вспоминала. Переоценивала. Думала: если есть смысл в сегодняшней моей жизни, так только тот, чтобы рассказать, как это было. Да, о войне написаны тысячи книг, и, возможно, я ничего нового не скажу. Тогда зачем? А затем, что война ведь продолжается. Баррикады сегодня проходят через наши сердца и умы. Не военные, но – нравственные. Они разделяют людей вопросами: «Кто ты? И зачем ты пришел на эту землю, так обильно политую кровью? Как ты делаешь свое дело сегодня, чтобы не повторилась эта страшная трагедия – война?»

Возвратившись домой, я села за письменный стол и сказала себе: «Ты должна сделать то, на что способна, и ради этого стоит жить».

С чего же начать? Раньше мне казалось, что в памяти навсегда останутся все дни и ночи, проведенные мною в самолете. Но оказалось, что в памяти остаются лишь мгновения. И опять я достала свою летную книжку, перелистала ее, и произошло чудо: каждая скупая строчка, иногда неоконченная фраза вдруг

заговорили, воскресли в памяти мельчайшие подробности полетов, даже вспомнились разговоры, настроение... Я вдруг поняла, что эта маленькая книжка, похожая на блокнот, вмещает не только мою жизнь на войне, но и тех, с кем я летала, кто готовил машину к полету, кто подвешивал бомбы, кто руководил нами.

Я хочу расшифровать только несколько страниц, несколько записей. И хочется мне рассказать без добавлений и приукрашиваний, непредвзято о хорошем и плохом, о большом и малом, о веселом и грустном – одним словом, о том, как девчонки жили на войне, о чем мечтали, что хотели совершить в своей жизни...

Начало: военно-санитарный поезд

– Сколько тебе лет? – спросил комиссар военно-санитарного поезда.

– На днях – восемнадцать.

– По паспорту выходит...

– Там опечатка, – перебила я.

– Родители знают?

– Они далеко, в Сибири.

– Как ты в Саратов попала?

– Долго рассказывать...

В это время в купе вошел огромный, толстый подполковник. Ремень не сходил на его животе, на самом кончике была выбита дырочка. Казалось, ремень мешает ему дышать, двигаться, говорить. В нем было все огромно – и тело, и голова, и особенно нос. «Как у Бабы-яги», – подумала я.

– Ну, что расскажешь? – спросил он, и мне его голос не понравился, его манера говорить и глаза тоже. Но я поняла, что это начальник поезда и от него зависит моя судьба.

– Возьмите меня в поезд! – решительно сказала я. – Вот справка, что я сдала экстерном экзамен на медсестру.

– Экстерном такие экзамены не сдают, – веско сказал начальник и оглядел меня всю каким-то неприятным взглядом. Я поежилась. – Возьму тебя диетсестрой.

Я обрадовалась, хотя понятия не имела, что это такое. В обед мне в кухне сунули поднос:

– Иди носи начальнику на пробу.

В купе начальник пригласил меня сесть.

Он отхлебнул две-три ложки супа, принялся за второе, искоса поглядывая на меня.

– Дочка у меня такая же, – вздохнул он. Придвинулся ко мне ближе. – Где? Я не знаю, – погладил меня по руке. – Вся семья растерялась. Так трудно мне!

Он снова погладил меня. Обнял за плечи. Я отодвинулась. Его рука соскользнула как бы нечаянно на мое колено. И он погладил меня по ноге. Я вскочила, резко отбросив его руку, и пулей выскочила из купе. За посудой не вернулась.

На другой день висел приказ: «...Перевести в санитарки, как не справившуюся с должностью».

Но мне понравилось в вагоне. Пахло щелоком, лаком и еще тем неуловимым, неизвестным запахом, который присущ вагонам и вокзалам и не уничтожается ни окраской, ни дезинфекцией. Поезд шел к фронту. Он нес, как знамя, свои красные кресты.

– По крестам бомбить не будут, – сказал старый доктор.

По утрам комиссар собирал всю команду и читал вслух сводку, а потом объяснял, какие варвары фашисты и что наши неудачи временные, а гитлеровцы будут разбиты Красной Армией в пух и прах. Я слушала его и думала: «И зачем так длинно и так скучно? Без тебя знаю, что победим».

Я считала, что комиссары должны говорить как-то особенно. Зажигательно и ярко. С примерами. Так говорить, чтобы душа наполнялась решимостью немедленно действовать. Я оглядывалась на своих товарищей и видела на их лицах только скуку. Станным все это казалось мне. Ведь когда мы собирались сами и обсуждали положение на фронте, каждый волновался, горячо высказываясь, и комиссар, случалось, присоединялся к нам. Он быстро овладевал нашим вниманием и рассказывал о боевых действиях так, что все мы кипели ненавистью к врагу. А на занятиях он как автомат. Скучный, нудный, неживой.

Совсем иные специальные медицинские занятия. Речь доктора была яркой и выразительной. Это был на редкость остроумный человек. Слушая его, мы, молодые и неопытные, легко усваивали азы медицины.

После этих занятий медсестра Лида экзаменовала меня и поучала:

– Как ты будешь делать перевязку предплечья? – И подставляла свое плечо. – А что ты будешь делать при пулевом ранении в живот?

– Остановлю кровь.

– Как?

– Ну...

– Опять нукаешь? Возьми шприц. Покажи, как будешь делать укол.

Я выполняла все ее требования с охотой, но при этом не отказывала себе в удовольствии поворчать:

– Хорошо тебе! Твои родители – врачи.

– И я прямо с пеленок все знаю... Учиться надо старательней.

На этих занятиях я забывала все свои неприятности. Но подходил час обхода, и у меня начинался внутренний озноб.

Вынув из кармана белоснежный платок, начальник короткими толстыми пальцами жирных рук проводил платком по полкам и, обнаружив пыль, истошно кричал. Я бессмысленно смотрела на его крутой, словно обрезанный подбородок, на покрасневшие, навывкате глаза, на прямые плечи, на которых покоилась круглая большая голова, и ничего не понимала. Почему он кричит? Я без конца мыла, вытирала, но в старые вагоны пыль проникала даже при закрытых окнах.

После таких разносов я горько плакала, и тогда у меня буквально все валилось из рук. Я садилась у окна, прижималась лицом к прохладному стеклу и смотрела, как навстречу поезду бежали телеграфные столбы. Чудилось, что они радушно раскинули руки. Вагон шатало, бросало из стороны в сторону. Истошно орал паровоз. Мерно стучали колеса. Это успокаивало. А больше всего успокаивал лес, который тянулся темной волнистой линией.

Это такое чудо природы – лес! Я люблю и могучий сосновый бор с уходящими в небо стройными колоннами-стволами; и веселые, ослепительно-белые березовые рощи; и хмурый, мшистый, задумчивый ельник; и столетние дубы-великаны; и нежную, нарядную рябину. Лес всегда снимает усталость и напряжение.

Глядя в окно, я вспоминала сибирские леса, дом... Вспоминала своих школьных друзей: Петра Владимирцева, Васю и Мишу Карасевых, Ваню Приваленко, Мишу Суворова... Где-то

там, впереди, – фронт, там они сражаются. А у меня пока одно оружие: слезы. Защитник Родины...

Как-то после очередного обхода меня окликнул сержант из команды бойцов, добирающихся до фронта из госпиталей:

– Сестричка, что случилось? Кто обидел?

– Никто, – буркнула я.

– Ну, не надо... Не плачьте.

– А я и не плачу.

– Может, я чем-нибудь помогу?

– Не-ет. Мне нельзя помочь... – И я отвернулась.

– Я вас, кажется, знаю.

Я не откликнулась, неприязненно подумав, что сержанту просто хочется поболтать.

– Вы жили в Тобольске?

Я резко повернулась к нему.

– Да-да, мы встречались с вами, – улыбался парень. – Помните последний день занятий в школе? Ну, вспомнили? Меня зовут Саша. А я Игоря встретил. – И тут поезд внезапно резко затормозил.

– Потом расскажешь, Саша, – сказала я, бросаясь к выходу.

Мы выскочили наружу.

Над головой проплыли самолеты. Я решила, что это наши, и мысленно пожелала им удачи. Но машины вдруг развернулись. Бойцы заволновались:

– Ах ты, холера ему в бок, сколько их!

– И не торопятся...

– Куда это они?

– Гитлер не докладывал куда...

– Зенитки где? Ни одна не тьякнет.

– Все равно не собьют.

– Чё болтаешь? Еще как сбивают!

– Давайте, братцы, врежем им из автоматов!

По перрону бежал офицер, размахивал руками и что-то кричал. Я отвернулась и опять посмотрела в небо. Оно было чуть сероватое от далеких облаков и близких сумерек.

– Что рот раззявила?! – Офицер грубо рванул меня за руку. – Бомбить сейчас будут! А вы... – накинулся он на сержанта, – прочь от поезда!

Мне не верилось, что будут бомбить, потому что у нас красный крест на крышах, и я продолжала стоять и глазеть на небо.

– Ты что? – крикнул офицер. – Дура!.. – Он выругался и толкнул меня под прикрытие вокзала.

За спиной что-то резко рявкнуло. Я не успела обернуться, как почувствовала, что лечу на красную кирпичную стену. Стена качнулась, поплыла куда-то в сторону. Сейчас свалится, раздавит, расплющит всех до единого...

Сколько это длилось? Не знаю.

Сквозь какую-то пелену, приглушавшую все звуки, я отчетливо слышала, как раскалывалась подо мной земля. На десять, на сто частиц... На одной из них, бесконечно малой, как на крохотной льдинке, я все-таки уцелела.

– Сестра-а!

Кругом бегали, оказывая помощь, мои товарищи, а я все стояла как в столбняке.

– Помоги... – Кто-то дотронулся до моего плеча.

Я подняла голову. Пожилой боец звал меня помочь корчащемуся в муках человеку. Я подошла к нему. И вдруг он завизжал и заплакал, да так жутко, что кровь леденела в жилах. Как подступить к нему? Я наклонилась над ним. Начала перевязывать, но раненый не давался. Мои руки дрожали. Я делала все неловко, плохо, и от сознания этого меня охватили отчаяние и стыд. Раненый как-то захлебнулся, что-то булькнуло в его горле, потом он затих и лежал спокойно, как будто ему и впрямь помогла перевязка.

У меня чуть отступило от сердца: наверное, ему все-таки стало легче. Но тут пожилой солдат, что просил меня перевязать, встал во весь рост и снял шапку. И тогда, поняв, что произошло, я громко, во весь голос, заплакала.

– Молоденькая, – сипло сказал кто-то. – Не видела еще смертей.

– Ладно, будет выть! – крикнул другой голос, зло и грубо.

Налет продолжался.

– Ложись! – закричал все тот же грубый голос.

Какая-то сила, прогрохотав по земле, вмяла меня в нее.

Багровое зарево делалось все больше и больше. Глядя на огненный горизонт, я почувствовала, как стучат у меня зубы. Я

зажимала обеими руками рот, а зубы все стучали. И день показался сразу холодным и знобким.

Самолеты безнаказанно ушли. Я осмотрелась и не узнала станцию. Горели вагоны, рухнули здания, из-под руин вытаскивали раненых и убитых.

Потрясенная, я не сразу вспомнила о Саше, моем школьном знакомом. Но, вспомнив, стала его искать. Он лежал неподалеку от поезда. Может быть, ему не хватило всего полушага, чтобы уцелеть. Его лицо не пострадало, и это ввело меня в заблуждение.

– Саша! – Я опустилась на колени, приподняла его голову и тут увидела, что у него нет ног. – Са-ша-а...

Слезы бежали по лицу, и я вытирала их липкими ладонями, ощущая острый запах крови.

Подошел доктор. Осмотрел сержанта. Вздохнул.

– Ну-ну, дочка, успокойся! Нельзя так падать духом. Ему, бедняге, уже не помочь. – Доктор склонился надо мной. – Ну-ка, дай я тебе слезы вытру, а то целую лужу напустила. – И стал вытирать мне лицо. – Я думал, немец месиво здесь устроил, – говорил доктор. – Черта с два! Умеем мы держаться за родную землю. Раненых мало...

Его слова и все, что делалось вокруг, проходило в моем сознании, как в густом тумане. Одна только фраза звучала четко: «Потом расскажешь, Саша. Потом...» Словно что-то заклинило в мозгу: «Потом...» Господи, ведь «потом» уже никогда не будет!

Потом я металась по перрону, помогая втаскивать раненых в вагоны. И все мои действия были какие-то механические, неосознанные. «Потом... Потом расскажешь...»

Так вот какая она – война! И от меня на этой войне требуется не только героизм, а, прежде всего, выносливость – нечеловеческая выносливость.

Было такое ощущение, будто голова моя зажата в тисках. Боль была пульсирующая, ноющая. Я почувствовала внезапный острый приступ тошноты. Ужасная слабость охватила меня, я вся покрылась холодным потом. Мне немного полегчало, когда поезд тронулся.

Он полз еле-еле, иногда его ход совсем замирал. Из окон были видны избы, огороды, поля. Какая-то деревня ярко пылала, и хлебное поле горело за нею – дымно, чадно.

Земля изрыта рвами. Людей почти не видно. Сквозь стук колес был явственно слышен непрерывный грохот близкой канонады.

Поезд наконец прибыл к станции, откуда мы должны забрать раненых. Всю ночь ее обстреливали и бомбили, и всю ночь к нам поступали раненые. Одних приносили на носилках, других привозили на грузовиках, третьи приходили сами...

Утром пришла Лида, и я не узнала ее. Она осунулась, побледнела и даже постарела за одну ночь.

– Всю ночь оперировали, – сказала она. – Вагон трясет, а мы работаем.

На полуслове она уснула.

Надо было привыкать к стонам, к храпам, к отвратительным запахам запекшейся крови, немытого тела, эфира, мочи. В вагонах для легкораненых работать было хлопотнее, чем в кригерах для тяжелых. Тяжелораненые лежат, бедняги, на своих подвесных койках с детскими сеточками и чаще всего молчат. И никто там не нарушит правил внутреннего распорядка, не пойдет разгуливать по вагонам, не вылезет в кальсонах на станцию покупать картошку и самогон.

А у меня в вагоне были, по сути дела, почти здоровые парни. Сначала, пока им было больно, они кряхтели или стонали, боялись остаться калеками, а чуть-чуть полегчало – и они принялись рассказывать веселые байки, любезничать с санитарками, петь песни, им уже и море по колено, хоть сейчас в бой.

Скажешь: «Товарищи, неприлично в белье на перрон!» – смеются. А про самогон и не заикайся, что вреден. Такой хохот, шум поднимут – вагон дрожит.

Я работаю двенадцать часов, потом сутки свободна. Но свобода моя относительная. Я не имею права никуда отлучаться. Чаще всего я помогаю делать марлевые тампоны. А в вагоне много раненых, и никакого отдыха не получается. Подала пить одному, умыла другого, погладила по голове третьего, остановилась перед четвертым. Сворачиваю раненым сигарки, поправляю постели, шучу. Словом, как белка в колесе.

А по вагону несется:

– Ой-ой, сестричка, скорей! Помоги, подними ногу. Затекла...

– Пить... иссох весь насквозь!..

– Ой, сестра, умираю...

Однажды предложила им:

– Хотите, стихи прочитаю?

– Давай, сестренка, заговаривай боль, – прошептал один с повязкой на глазах.

Я села к нему на полку.

Значит, так... На миг задумалась: что почитать? Может, «Мцыри»? Я любила эту поэму. Меня всегда волновала судьба мужественного мальчика. Я знала ее наизусть.

– Значит, так:

...И вспомнил я отцовский дом,

Ущелье наше и кругом

В тени рассыпанный аул;

Мне слышался вечерний гул

Домой бегущих табунов

И дальний лай знакомых псов.

В вагоне установилась удивительная тишина. Только мой голос, стук колес, редкие гудки паровоза... Когда я закончила читать, мне показалось, что раненые задремали. Меня тоже одолевала дрема. Голова отяжелела, веки слипались. Но как только мой голос смолк, раненый, у ног которого я сидела, тяжело вздохнул и застонал. Я подумала, что этот человек страдал не столько от физической боли, сколько от страха навсегда остаться слепым. Он утратил жажду жизни, силу сопротивления. Я прислонилась спиной к стенке, подчеркивая, что готова просидеть с ним долго. Взяла его руку, погладила.

– Доктор сказал, что все обойдется, если вы сами будете бороться...

Больше я не знала, что сказать.

С того дня каждый вечер у нас в вагоне устраивались концерты.

Ни смерть, ни кровь, ни страдания не могли подавить в человеке человеческое, не могли уничтожить тонких движений души. Ведь у каждого солдата где-то остались мать, жена, невеста, просто знакомая девушка, где-то рядом дрался друг, и длительная разлука с ними, обостренная постоянной опасностью, переживалась особенно глубоко.

В стихах, песнях фронтовики находили отражение своих чувств, желаний, страстей...

Поезд медленно постукивает. За окнами лежит большая страна Россия, ее поля, леса, серые деревни. Там голод, холод, болезни. До победы еще так далеко. А я никак не могу привыкнуть к крови, обморожениям, страданиям...

Время бежало. Много рейсов уже было сделано. В промежутках мы с Лидой раза два бегали в Воронеже в штаб фронта проситься на передовую. Нас бесцеремонно выпроваживали.

Однажды Лида ворвалась ко мне в вагон и скороговоркой сообщила новость: «Раненый летчик сказал, что Раскова женский полк формирует. Сталин приказ издал: всех летчиц беспрепятственно отпускать, где бы они ни были».

У меня сердце упало: уедет Лида, ставшая мне родной, и некому будет даже пожаловаться, поплакаться...

– Через час уезжаю.

– Господи, ну что же мне делать?

– Комиссар дал тебе увольнительную меня проводить, – жалостливо посмотрела на меня Лида.

– Ладно. Идем...

Вот и поезд. С трудом протиснулись в тамбур. В вагон не влезть. Народу как сельдей в бочке.

– Пора, – сказала Лида.

– Я поеду с тобой.

– Что же будет?

– А ничего! – беспечно махнула я рукой. – Хуже не будет.

Поезд тронулся, убыстряя ход.

Приехали глубокой ночью. До рассвета нечего было и думать искать военный городок.

Вошли в переполненный зал ожидания. Сизый махорочный дым, толкотня и гул голосов, военные, ожидающие своего эшелона на фронт. Народу – яблоку упасть некуда.

– Эй, курносые, сестренки! Идите сюда, – весело крикнули из ближайшего угла.

Мы протиснулись и устроились на скамейке, с которой поднялись старшина и лейтенант.

– Куда путь держите?

– К Расковой, в женский полк.

– Бросьте! Поехали лучше с нами.

Они улыбались, перемигивались. Лида строгим взглядом обвела парней:

– В армии главное – приказ.

– А там, у девчонок, знаете как?

– Как?

– Там же драки, потасовки, сплетни.

Лида рассердилась, хотела ответить, но лейтенант скороговоркой продолжал:

– А как там хлеб делят! Разрезают на разные куски, потом собирают крошки, распределяют их по пайкам, сажают спиной девчонку, а другая, тыкая пальцем в куски, кричит: «Кому?» Та называет фамилии. И не дай бог кому попадется чуть больше кусок! Цепляются друг другу в волосы, и начинается кутерьма.

Все вокруг смеются.

– Это что... – подхватывает другой. – Все это чепуха по сравнению с военным трибуналом. За один поцелуй – суд! Остановилась девчонка с парнем – арест!

Лида поднимается со скамейки:

– Идем. Нечего глупости слушать. Ну а насчет поцелуев, – повернулась она к лейтенанту, – правильно! Нечего целоваться, когда война!

Мы шли, утопая в снегу, к военному городку, и Лида пыталась представить свое будущее. Фантазия рождала картины героических воздушных боев, о которых она знала по газетным статьям, по рассказам раненых летчиков.

Конечно, ее немедленно возьмут в истребительный полк, и она сделает все, чтобы поскорее победить.

Никого ни о чем не спрашивая, мы беспрепятственно прошли через проходную военного городка. Отойдя на приличное расстояние от проходной (как бы не задержали), Лида обратилась к проходившей мимо женщине с двумя кубиками в петлицах: как найти майора Раскову? Я робко спросила ее:

– А если я даже самолет близко не видела? Не возьмут?

– Возьмут. Нужны младшие авиаспециалисты. Электрики, например. Учить будут.

И вот нас наконец приглашают в комнату, где находится несколько женщин в военной форме. Но я вижу только Раскову. Ее книга «Записки штурмана» учила меня стойкости. Я хранила дома несколько журнальных портретов Расковой и сразу же узнала ее.

Среднего роста, с темными волосами, разделенными прямым пробором, она была в хорошо пригнанной по ее стройной фигуре форме с голубыми петличками и двумя шпалами на них. На гимнастерке – звезда Героя Советского Союза.

– Откуда тут медицина? – удивленно спросила Раскова. – Медсестры нам не нужны.

И тут выступила вперед Лида:

– Пилот запаса Лаврентьева.

– О! Это уже другой разговор.

Лида подала документы. Раскова, быстро пробежав взглядом удостоверение Лаврентьевой, изучающе посмотрела на нее. Перед ней стояла среднего роста, с карими, чуть раскосыми восточными глазами, красивая, несколько полноватая девушка.

– Товарищ майор! – забеспокоилась Лида. – Я умею летать!

– В штурманскую группу пойдешь.

– А летчицей?

– Нам срочно нужны грамотные штурманы.

Пока шел разговор с Лаврентьевой, я дрожала от страха: вдруг откажут? Что же придумать такое, чтобы они не смогли мне отказать? Что я умею? Ничего. А летать хочется. А если соврать: дескать, окончила аэроклуб, документы потеряны? Нет, врать не годится. Остается запасной вариант: у них не хватает электриков.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

– в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7

– в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.